

ШКОЛА С.Л. РУБИНШТЕЙНА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ

А.Н. Ждан

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Обсуждается значение наследия С.Л. Рубинштейна в области методологии психологии для современной науки. Выделяются важнейшие методологические идеи и положения, содержащиеся в трудах С.Л. Рубинштейна, анализируются особенности созданного им типа организации методологической работы в научном исследовании, в том числе в области методологии, а также в преподавании психологии.

Ключевые слова: методология, теория, метод, история психологии, методологические принципы психологии, субъект, субъектно-деятельностный подход, научная психологическая терминология, диалектика, марксизм, при-рода психического, школа С.Л. Рубинштейна.

Для последовательной и плодотворной реализации методологии весьма существенно, чтобы она была осознана...

С.Л. Рубинштейн

По призванию, по складу мысли я философ.

С.Л. Рубинштейн

«Методологические уроки С.Л. Рубинштейна» — условное название, введенное для характеристики выводов, вытекающих из анализа методологических и теоретических положений, разработанных выдающимся методологом отечественной психологии Сергеем Леонидовичем Рубинштейном и рассмотренных в их значении для современной психологии. Актуальность такого обращения к творчеству С.Л. Рубинштейна определяется ситуацией в отечественной психологии. Происходящие в ней перестроечные процессы, вызванные как внешними, так и внутренними причинами, затрагивают все сферы психологической науки. Особенно заметны они в области методологии [14; 16; 17; 33]. В настоящее время она превратилась в широкую отрасль психологической науки. Методологические проблемы психологии являются предметом обсуждения на методологических семинарах, которые ежегодно, начиная с 2003 г.,

проводятся в г. Ярославле. Издаются материалы этого семинара [32]. С 2006 г. начал выходить новый научный журнал «Методология и история психологии». Растет число психологов, имеющих методологию в качестве единственного предмета профессиональной деятельности, никак не связанного с собственными конкретными исследованиями. К каким открытиям в области методологии привела их работа и как они используются в практике психологических исследований? Как оценить сложившееся в современной психологии «разделение труда» между методологами и исследователями психологической реальности? Опыт разработки методологических основ психологического знания С.Л. Рубинштейном содержит богатейший материал для размышлений о плодотворности разных способов организации методологической работы, в том числе и такого ее типа, при котором она отделена от конкретных

исследований живой психологической реальности и как бы извне привносится в них. Обращение к этому опыту и сегодня, спустя почти столетия после кончины С.Л. Рубинштейна, обогащает арсенал методологических и методических средств, необходимых психологу для решения как исследовательских, так и практико-ориентированных задач.

Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960) является основателем крупной научной школы отечественной психологии. Истоки ее научной программы восходят к первому – одесскому – периоду его деятельности (1915–1930). Ее разработка продолжается в годы работы С.Л. Рубинштейна в г. Ленинграде (1930–1942), но свое наиболее завершенное развитие она получает в последний – московский – период его деятельности (1942–1960). *Развернувшись в его школе теоретическими и экспериментальными исследованиями были заложены философско-методологические основы отечественной психологической науки: принципы единства сознания и деятельности, детерминизма, отражения, развития, личности. Был создан субъектно-деятельностный подход как один из двух вариантов деятельностного подхода в отечественной психологической науке.* С.Л. Рубинштейн интегрировал отечественную психологию в единую систему, включив ее в контекст мировой психологической науки на основе глубокого анализа и обобщения последней. По оценке А.В. Брушлинского, «...есть много существенно общего между субъектнодеятельностной теорией и гуманистической психологией, которая в США с 60–70-х гг. начала систематически изучать творческий потенциал личности как целостной системы и провозгласила себя третьей силой, альтернативной по отношению к фрейдизму и бихевиоризму» [12, с. 7]. В многочисленных исследованиях видных ученых, посвященных изучению творчества С.Л. Рубинштейна, показано, что разработка теории и методологии психологии

составляет главное содержание его трудов. В этих исследованиях содержится тщательное изложение и дается глубокий анализ методологических принципов психологии С.Л. Рубинштейна (отражения, личности, развития, историзма, единства сознания и деятельности, теории и практики как взаимодействия изучения и воздействия, детерминизма), раскрывается содержание созданного им деятельностного подхода (в настоящее время называемого субъектно-деятельностным), дается определение на основе указанных принципов предмета и метода психологии, освещаются разработанные С.Л. Рубинштейном фундаментальные вопросы теории психологии (природы психического, сущности сознания, концепция личности), раскрывается содержание эмпирических исследований и теория мышления, разработанная С.Л. Рубинштейном, его новаторский подход к решению таких фундаментальных проблем, как психофизиологическая, соотношение биологического и социального в развитии личности и др. [1–13; 16; 19]. Был сделан важный вывод о том, что «методологические установки и теоретические обобщения С.Л. Рубинштейна сохраняют свою актуальность и для наших дней» [6, с. 283].

Учитывая результаты изучения методологических идей С.Л. Рубинштейна, опираясь на них, но по возможности не повторяя их, в данной статье проводится анализ методологических уроков, следующих из трудов С.Л. Рубинштейна.

Урок первый. «Одно из важнейших условий успешного развития психологии – глубокая разработка вопросов теории», – так начинается статья С.Л. Рубинштейна, опубликованная в первом номере журнала «Вопросы психологии», который начал выходить в 1955 г. по инициативе и при активном участии С.Л. Рубинштейна [22]. Всем своим творчеством С.Л. Рубинштейн утверждал положение о том, что в основе психологического исследования как исследования научного находится теоретическая

концепция, она определяет предмет, методы и методики, само построение исследования: «Экспериментальное исследование слепо, если его путь не освещается теорией. Пренебрежение теорией всегда жестоко мстит за себя. Отход от теории, как правило, приводит к дурной теории» [22, с. 7]. Хорошо обоснованная теория обязательно открывает путь для плодотворного решения и практических проблем в различных областях социальной практики, тем самым обеспечивает реальное сближение психологии с жизнью. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что исследования, основанные на психологической теории деятельности, позволяют сочетать изучение и воздействие: теоретические обобщения и практические приложения образуют две стороны единого процесса. В качестве иллюстрации он ссылаясь на опыт работы психологов в годы Великой Отечественной войны [29]. Общая теория развития психики ребенка и положение, согласно которому познание явлений действительности осуществляется путем воздействия на них, привела его к научно значимому и практически плодотворному положению о единстве развития и обучения-воспитания. Появилась формула «надо *изучать* ребенка, *обучая* его» [28, т. 1, с. 48]. Таким образом теория органично смыкалась с педагогической практикой, а в своей обобщенной форме положение о взаимодействии изучения и воздействия стало методологическим принципом методики психологического исследования и распространилось на другие области. Слова С.Л. Рубинштейна: «Нужны углубленные теоретические исследования» [22, с. 17] воспринимаются как завещание потомкам.

Урок второй. Разработка методологии психологии как конкретной науки невозможна без проведения с ее использованием конкретных психологических исследований. Плодотворная методология реализуется и создается в эмпирических исследованиях в психологии и неотделима от них.

«Осознает ли это исследователь или нет, — писал С.Л. Рубинштейн, — его научная работа объективно в своей методике всегда реализует ту или иную методологию» [28, т. 1, с. 45]. В трудах С.Л. Рубинштейна методология строится на большом фактическом материале как собственных, так и исследований других авторов, она органично связана с ними, выступает их необходимой частью, неотрывна от них. Он требовал, чтобы методология «...не превращалась в форму, извне механически накладываемую на конкретное содержание науки, чтобы она раскрывалась внутри содержания науки в закономерностях его собственного развития» [28]. Будучи внутренне связанными с исследованием, методологические принципы тем самым получают немедленную проверку и подтверждение своей истинности и достоверности в практике самого исследования. Так, в экспериментальных исследованиях мышления [24], методика которых предполагала использование подсказки, помогающей решить задачу, выступил факт различного использования и даже игнорирования ее испытуемыми. Эти материалы явились объективным показателем зависимости подверженности внешним воздействиям от внутренних условий и послужили базой для разработки С.Л. Рубинштейном главного в его концепции методологического принципа — детерминизма в его чеканной формулировке: «внешние причины действуют через внутренние условия (формирующиеся в зависимости от внешних воздействий)» [23, с. 10]. Значимость методологии, абстрагированной от собственных конкретных исследований, разработанной без связи с ними и не реализованной в них, не очевидна для науки и может остаться неприложимой к конкретной работе.

Урок третий. Своим творчеством С.Л. Рубинштейн показал плодотворность теоретических положений К. Маркса, а также Ф. Энгельса, отдельных высказываний В.И. Ленина для разработки

методологических принципов и решения на их основе психологических проблем. На использование С.Л. Рубинштейна трудов К. Маркса указывают как исследователи его творчества, так и он сам. Свое отношение к К. Марксу он выразил, в частности, так: «Моя теоретическая позиция — Спиноза и Маркс» и в другом месте: «У каждого человека свой Пантеон. В моем: Спиноза и Маркс, Рембрандт и Бетховен» [31, с. 416, 420]. Он многократно подчеркивал значимость для психологии учения К. Маркса [20], вскрывал искажения в трактовках ряда положений марксизма применительно к психическим явлениям (см. об этом, например, в книге «Человек и мир» [30, с. 75–76] и в других работах). Необходимо, однако, обратить внимание на то, что позже, в годы после общественных потрясений и последовавшего за ними распада СССР, тональность в анализе отношения С.Л. Рубинштейна к марксизму (наличие которого отрицать невозможно) меняется. Так, ученик С.Л. Рубинштейна и тончайший аналитик его творчества А.В. Брушлинский начинает писать о вынужденности под влиянием нажима советской идеологии использования С.Л. Рубинштейном термина «диалектический материализм» [12, с. 7]. Он же отмечал, что, хотя С.Л. Рубинштейн хорошо знал учение Маркса еще до революции, он не ссылаясь на него в своих статьях 1920-х гг., и сделал отсюда заключение, из которого следует, что свою концепцию Сергей Леонидович разрабатывал независимо от учения Маркса, но «искренне и научно начал использовать некоторые (не все!) очень важные марксовы (не путать с марксистскими!) положения для дальнейшего развития своей философско-психологической концепции» [12, с. 7]. Даже если и согласиться с мнением А.В. Брушлинского, это не значит отказаться от признания того важного места, которое занимали идеи К. Маркса в концепции С.Л. Рубинштейна. При этом необходимо также подчеркнуть, что разработка новых теоретических

установок сочеталась у С.Л. Рубинштейна с сохранением преемственности в развитии научной и философской мысли. Новые стратегии методологии психологических исследований он разрабатывает в спорах с Платоном, Аристотелем, в диалоге с Декартом, Спинозой, Кантом, Гегелем, другими мыслителями прошлого, а также с современными направлениями. Так, в контексте анализа истории учения о бытии в связи с проблемой человека он указывает на специфичность в понимании способа существования человека в экзистенциализме, отмечает как его позитивные моменты, так и глубоко раскрывает его ошибочные положения, вступает в дискуссию с Сартром, Хайдеггером. Анализ экзистенциализма, данный С.Л. Рубинштейном, представляет исключительный интерес в связи с популярностью экзистенциализма в современной отечественной (и не только отечественной) психологической науке.

Урок четвертый. В творчестве С.Л. Рубинштейна методология неразрывно связана с историей психологической науки. Он высоко ценил значение и силу традиций в науке, но вместе с тем и умение ломать отжившие установки, превратившиеся в тормоз для ее развития. Все проблемы и понятия раскрываются в его трудах как складывающиеся исторически, как становящиеся в своем содержании. Тщательно прослеживаются модификации их содержания, превращения, которые они претерпевали на историческом пути познания, выявляются их различные методологические основания, дается критика ошибочных положений. Исторический анализ во многом обуславливает выработку собственного понимания, постановку новых психологических проблем. Значительное место в трудах С.Л. Рубинштейна занимают прямые исследования истории нашей науки, разработку которой он считал актуальной задачей. В главном труде С.Л. Рубинштейна — «Основах общей психологии» — специальная глава посвящена истории психологии.

Она содержит авторский взгляд на трактовку истории мировой и отечественной психологии с древнейших времен. В этой книге, как и в других его трудах, история выполняет функцию историко-методологической рефлексии, необходимой для разработки собственной концепции. В ряде статей, посвященных анализу отдельных концепций (например, теории социальной обусловленности сознания во французской социологической школе, необихевиоризму Э. Толмена, взглядам И.М. Сеченова и др.), С.Л. Рубинштейн выделяет исторический смысл решения в них таких фундаментальных психологических проблем, как специфика человеческого сознания, объективность научного познания в психологии и типы ее реализации в бихевиоризме и в трудах И.М. Сеченова. В постановке и разрешении всех проблем психологии С.Л. Рубинштейн, следуя принципу историзма, выявляет преемственные связи их современного рассмотрения с подходами к их решению в прошлом, раскрывает их недостаточность, формулирует новые способы их решения. Одно из главных в концепции С.Л. Рубинштейна понятий — понятие субъекта — было введено как реакция на механицизм исторически сложившихся философско-психологических представлений о психике и ее функционировании. Традиционная интроспективная психология, как показал С.Л. Рубинштейн, обособила сознание, дуалистически противопоставила сознание как идеальное бытие, оторвала его от реального человека как субъекта познания и действия в плане бытия. Она превратила психические функции — память, воображение, волю, мышление — в психических деятелей, которые в этой психологии выступили субъектом, деятелем, вместо действительного субъекта и деятеля — человека. Она представила сознание как сцену, на которой эти деятели, взятые в своей совокупности, выступали и взаимодействовали друг с другом: «Философский смысл функциональной

психологии заключается в подстановке в качестве субъекта вместо человека различных сторон его психики (в этом заключается ее принципиальная ошибка)» [25, с. 39]. Пафос концепции С.Л. Рубинштейна был направлен на преодоление этой ошибки. Согласно этой концепции, в отношении с миром вступает человек. Психическая деятельность рассматривается как продукт «встречи» с объективной реальностью не отдельных психических функций, а целостного субъекта. Сознание и деятельное отношение к миру выступили важнейшими характеристиками человека. На этом основании созданная С.Л. Рубинштейном концепция уже после его смерти получила в литературе о ней название *субъектно-деятельностного* подхода.

Философско-методологический анализ историко-психологического знания позволил С.Л. Рубинштейну произвести размежевание между тем, что сохраняет ценность, и тем, что отжило и в настоящее время представляет лишь исторический интерес. В материале систем прошлого следует отделять факты, которые в ряде случаев бесспорны, от их, часто во многом неадекватных, теоретических интерпретаций. Например, фактический материал, на который опираются сторонники биогенетической теории психического развития (о существовании аналогий и параллелей между психическим развитием ребенка на разных стадиях его развития и психическим развитием человечества на разных ступенях исторического развития), необходимо отличать от теоретического ядра этой концепции, несостоятельность которой как в научном отношении, так и в своих педагогических выводах для современного исследователя очевидна. В критическом анализе исторического материала необходимо соединять критику с должной оценкой и использованием положительных результатов.

Урок пятый. Данный С.Л. Рубинштейном, основанный на исторической реконструкции развития психологической

науки теоретический анализ кризиса, разразившегося в мировой психологии в начале XX в., позволил ему сделать вывод о несостоятельности методологических основ традиционной психологии. Это был «*кризис декартовско-локковской интроспективной концепции сознания*, которая в течение столетий довлела над психологией» [28, т. 1, с. 81]. Такое понимание потребовало критически рассмотреть распространенные интерпретации этого периода, отвергнуть те направления его анализа, которые касались лишь внешнего выражения кризисных явлений и не затрагивали лежащих за их поверхностью сущностных процессов, и наметить продуктивные пути преодоления кризиса. С.Л. Рубинштейн видел эти пути в преобразовании философских основ психологии и сформулировал задачу построения системы психологии на новой, подлинно научной основе. Решение этой задачи вылилось в разработку собственного деятельностного подхода.

Урок шестой. Трактовку разработанных С.Л. Рубинштейном методологических принципов отличает подлинная диалектика, они раскрываются во всей своей сложности. Это выражается, во-первых, в том, что они преподносятся не как набор постоянных, застывших постулатов, но раскрываются как развивающиеся в своем содержании, которое на разных этапах творчества С.Л. Рубинштейна меняется в зависимости от материала конкретных исследований. Это особенно относится к принципу детерминизма, который, по характеристике самого Сергея Леонидовича, занимал центральное место в его теории, был «теоретическим фундаментом нашего подхода к построению психологической теории» [25, с. 24]. Проблемы теории ощущений, мышления, личности рассматривались им в неразрывной связи с проблемами их детерминации, что нашло отражение даже в названиях соответствующих этим темам глав в книге «Принципы и пути развития психологии» [25]. В общем развитие

этого принципа выразилось в преодолении механистических схем детерминации психических явлений, в которых они объяснялись внешними условиями жизни (например, стимул-реакция в бихевиоризме), за счет включения внутренних условий, опосредствующих влияние внешних воздействий. Диалектический характер разработанных С.Л. Рубинштейном принципов выражается, во-вторых, в том, что на каждом этапе его творчества они излагаются не метафизически, раскрываются без догматической категоричности, без ложной альтернативности аспектов, входящих в них часто лишь имплицитно. В трактовке С.Л. Рубинштейна детерминизм не означает противопоставления обусловленности психики чем-то внешним — несомненному факту свойственной ей свободы и самодетерминации: он включает эти положения в их неразрывной связи, которые лишь с механистической точки зрения являются несовместимыми альтернативами: «...специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения *самоопределения и определения другим* (условиями, обстоятельствами)...» (выделено С.Л. Рубинштейном. — А.Ж.) [30, с. 8]. Подобно этому в принципе отражения, в противоположность его механистическому толкованию, при котором оно рассматривается как одностороннее воздействие объекта и его пассивное дублирование, копирование как результат непосредственного отношения образа и вещи, утверждается положение о живом единстве отображения и активности субъекта, который взаимодействует с объективной реальностью. Отражение рассматривается как построение образа в процессе взаимодействия двух материальных реальностей: объекта и субъекта познания — человека. Точно также принцип единства сознания и деятельности в трактовке С.Л. Рубинштейна не замыкает исследование психических функций и процессов только в деятельности как преобразовании, изменении мира,

но включает в поле своего изучения созерцание как другой, специфически человеческий способ существования и отношения к миру: «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнести ко Вселенной, к миру, к бытию. Природа — не только объект созерцания, но она и не только продукт истории человечества, не только материал или полуфабрикат производственной деятельности людей» [30, с. 73].

Урок седьмой. Требовательность в отношении научного языка, психологической терминологии. Практически каждому термину С.Л. Рубинштейн дает определение, в котором выявляются разные аспекты обозначаемого им понятия или проблемы. Например, при рассмотрении ощущений производится различение понятий раздражителя (физиологическая категория) и объекта (гносеологическая и психологическая категория) [25, с. 27]. Указывается на отличие научного психологического понятия от его смысла в житейском обиходе. Так, в разделе, посвященном анализу интересов, С.Л. Рубинштейн обращает внимание на многозначность этого слова в обиходной речи и в разных науках, а также и в его использовании в научной психологии. В психологическом смысле слово «интерес» представляет собой одно из проявлений направленности личности. Специфичность интереса как направленности личности раскрывается в сопоставлении с другими тенденциями, тоже выражающими направленность, но отличающимися от интересов. Все эти соотношения четко обозначаются. В результате выявления соотношений между ними складывается объективно ясное и психологически богатое представление об этом психическом явлении. Такая точность и вместе с тем объемность и широта используемых языковых средств составляют отличительную особенность стиля трудов С.Л. Рубинштейна. Он часто обращается к примерам из жизни, к художественной

литературе, конструктивно используя их в целях анализа психологических проблем. В связи с тем, что психологии свойственно отсутствие твердости и устойчивости в терминологии, на что обращал большое внимание еще Л.С. Выготский [15], такое представление научных понятий позволяет адекватно и творчески понимать труды С.Л. Рубинштейна, изложенные простым языком. Опыт С.Л. Рубинштейна является хорошим уроком для психологической науки в целом.

Урок восьмой. Неотделимость методов исследования от методологии. Методы психологии как науки должны соответствовать общим принципиальным установкам в отношении понимания предмета и научной методологии. «Методика исследования, — писал С.Л. Рубинштейн, — всегда отражает ту или иную методологию» [28, т. 1, с. 46]. Анализ истории психологии привел С.Л. Рубинштейна к выводу: «Основные методы науки — не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки: поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую — рациональной, характеризуя таким образом предмет по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией. ...Понимание предмета психологии... предопределяет соответствующее ему решение основных вопросов о ее методе» [28, т. 1, с. 44–45]. В своих трудах, преодолевая традиционный картезианский дуализм, С.Л. Рубинштейн защищал и реализовывал принцип объективности в отношении метода психологического исследования, согласно которому психика познается и раскрывается в единстве сознания и

поведения: *«Психологическое познание — это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных объективных связей и опосредований»* [28, т. 1, с. 35]. При-знавая, что *«...психическое переживается субъектом как непосредственная данность»*, С.Л. Рубинштейн утверждал, что *«познается лишь опосредованно — через отношение его к объективному предметному миру»* [28, т. 1, с. 37]. Тем самым утверждался *объективный подход* к объяснению субъективного. Но если в традиционной психологии идея объективности обычно сводилась к задаче выявления физиологических оснований психических явлений, то С.Л. Рубинштейн предложил принципиально новую методологию объективного метода. *«Через посредство деятельности субъекта его психика становится познаваема для других. Через посредство нашей деятельности объективно познаем нашу психику, проверяя показания нашего сознания, даже мы сами»*, — писал он [28, т. 1, с. 36]. В отличие от основных тенденций традиционной психологии, в которой функции и структура сознания изучались имманентно, в замкнутом внутреннем мире, здесь психологическое познание включено в *связь, взаимодействие человека с миром*: *«Всякий психический процесс включен во взаимодействие человека с миром и участвует в регуляции его действий, его поведения; всякое психическое явление — и отражение бытия и звено в регуляции поведения, действий людей. Поэтому в сферу психологического исследования входят и движения, действия, поступки людей, т.е. не только «психическая», умственная деятельность, но и та практическая деятельность, посредством которой люди изменяют природу и перестраивают общество. Однако предметом психологического изучения в них являются только их специфически психологическое содержание, их мотивация и регуляция, посредством которой действия приводятся в соответствие с отраженными в ощущении, восприятии, сознании объективными*

условиями, в которых они совершаются» [22, с. 15–16].

Таким образом, разработка проблемы объективности в психологическом познании привела С.Л. Рубинштейна к новой *деятельностной психологии*. Он дал психологический анализ деятельности и характеристики ее компонентов — движения, действия, операции, поступка в их взаимосвязи с целями, мотивами и условиями деятельности [28, т. 1, с. 192–208; т. 2, с. 6–93 и др.]. Центральное место он отводил действию. Именно оно является, по С.Л. Рубинштейну, *«клеточкой»*, *«единицей»*, *«ячейкой»*, *«в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве»* [28, т. 1, с. 192]. При этом он подчеркивал, что психология не изучает действия и деятельности в целом, и она изучает не только действие и деятельность: *«Психология изучает психическую сторону деятельности»* [28, т. 1, с. 6].

В психологическом анализе деятельности С.Л. Рубинштейн ссылаясь на труды А.Н. Леонтьева, автора другого варианта деятельностной психологической концепции, признавая, что в них специально изучаются вопросы строения деятельности. Однако эти вопросы он не считал главными для психологической теории деятельности. Фундаментальное значение и центр тяжести в своей теории он видел в положении об определяющем значении деятельности для объективного познания психики. *«Психологическое изучение деятельности, — писал он, — включая в себя изучение функций и процессов как необходимый и существенный психологический компонент, открывает ...новый, более синтетический план психологического исследования, отличный от того, в котором протекает изучение функций»* [28, т. 2, с. 7]. Такой путь научного познания психических явлений одновременно оказывался и реальным практическим воздействием на них. Объективно в нем содержались идеи формирующего эксперимента. Однако в собственном творчестве С.Л. Рубинштейна

они не превратились в самостоятельную стратегию научного поиска.

Таким образом, методологические позиции выступили основанием нового понимания предмета психологического исследования и методов как путей изучения психических явлений.

Урок девятый. Через все труды С.Л. Рубинштейна проходит мысль о том, что в методологии психологического познания неправомерно следовать противопоставлению естественных, гуманитарных и наук об обществе: такое противопоставление неадекватно самой природе психического как объекта научного изучения. «...В разных системах связей и отношений... психические явления выступают в разных качествах...» [25, с. 9]. Психика человека должна быть понята в ее опосредствованности всеми существенными конкретными связями, в которые включена жизнь человека. Поскольку человек — продукт развития природы и общества, в системе научного знания нельзя найти места для наук о человеке вообще и для психологии в том числе, если исходить из противопоставления природы и общества. По С.Л. Рубинштейну, психология — «одна из наук о *природе* человека, продукте *истории*. Этим обусловлена связь психологии как с науками о природе (прежде всего с учением о высшей нервной деятельности), так и с науками общественно-историческими» [22, с. 9]. В связи с переходом к изучению психической деятельности человека возникают специфические задачи психологии. Психология не может ограничиваться изучением только физиологических механизмов психики. Она должна объяснить ее конкретное содержание, которое формируется и, следовательно, должно изучаться в деятельности, обусловленной общественными отношениями, от которых физиология абстрагируется.

Показав несостоятельность дуалистического противопоставления психического и физиологического, С.Л. Рубинштейн наметил монистическое решение проблемы

их соотношения. Всегда взаимосвязанные в жизни человека психическое и физиологическое не рядоположны: «психические явления остаются своеобразными психическими явлениями и вместе с тем выступают как форма проявления физиологических закономерностей, подобно тому как физиологические явления остаются физиологическими, выступая, однако, в результате биохимических исследований и как форма проявления законов химии. От того, что психические явления выступают как эффект действия нейродинамических законов... деятельности мозга, ...не упраздняется специфичность психических явлений, ...знание законов, устанавливаемых психологическим исследованием, не теряет своего значения» [22, с. 10]. Соответственно этому следует понимать и взаимоотношения между психологией и физиологией, гуманитарным и естественно-научным аспектами в психологической науке. Обращаясь к физиологическим исследованиям И.М. Сеченова и И.П. Павлова, С.Л. Рубинштейн утверждал, что их открытия нередко были разрешением психологических задач физиологическими средствами; он считал это проявлением «...общего закона, регулирующего взаимоотношения между различными дисциплинами в системе наук: вышележащие области ставят *задачи* перед нижележащими, а нижележащие доставляют средства для их разрешения... Взаимоотношение психологии и учения о высшей нервной деятельности укладывается в общие рамки взаимоотношений между «ниже» и «выше» лежащими областями научного знания» [22, с. 10–11]. У физиологии и психологии разные объекты и задачи исследования: «Рефлекторная деятельность коры — это одновременно деятельность и нервная (физиологическая), и вместе с тем психическая (поскольку это *одна и та же* деятельность, рассматриваемая в различных отношениях). Поэтому возникает задача ее изучения, во-первых, в качестве нервной деятельности, определяемой

физиологическими законами нервной динамики (процессов возбуждения и торможения, их иррадиации, концентрации и взаимной индукции), во-вторых, в качестве психической (как восприятия и наблюдения, запоминания, мышления и т.д.)» [22, с. 8].

В силу рассмотрения психических явлений во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира, разработка природы психического в трудах С.Л. Рубинштейна получила системный характер. Характеристика психического включала такие его особенности, как принадлежность психического индивиду, субъекту; отношение его к миру (*«всякий психический факт — это и кусок реальной действительности, и отражение действительности...»* [28, т. 1, с. 5]); единство реального и идеального; единство знания и переживания, отражения и отношения; единство отражения и отношения и деятельности; единство субъективного и объективного, т.е. предметность психического; двоякая форма существования психического — первичная объективная и вторичная субъективная, генетически более поздняя форма, появляющаяся только у человека, — сознание, общественная сущность сознания (*«сознание — это общественное образование»* [28, т. 1, с. 21]), сознание как рефлексия; психика и деятельность, их единство (*«формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание — не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство»* [28, т. 1, с. 26]).

Урок десятый. Решение проблемы природы психического имеет определяющее значение для выбора стратегии его изучения. Уяснение природы психического привело С.Л. Рубинштейна к положению о специфическом качестве его как процесса. Процессуальное понимание сознания и психики, конкретизированное в экспериментальных исследованиях мышления,

которые в 1950-е гг. проводили его ученики Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, И.М. Жукова, Е.П. Кринчик, Н.С. Мансуров, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, Э.М. Пчелкина, К.А. Славская (ныне Абульханова-Славская), Ф.А. Сохин, О.П. Терехова, Д.Б. Богоявленская, Н.Т. Фролова, И.С. Якиманская и которые подробно анализируются С.Л. Рубинштейном в его книгах [23; 24; 25] и статьях, С.Л. Рубинштейн выразил в формуле: *«Основным способом существования психического является его существование в качестве процесса, в качестве деятельности»* [23, с. 255]. При этом С.Л. Рубинштейн указывал на И.М. Сеченова как первого, кто выдвинул положение о психическом как процессе. В соответствии с этим «...задачей психологического исследования является изучение психических процессов, психической деятельности» [23, с. 256]. С.Л. Рубинштейн не всегда четко дифференцирует понятия «деятельность» и «процесс». В общем, различия между ними по отношению к изучению мышления выступают в виде двух разных планов его исследования. «Мышление выступает по преимуществу как *деятельность*, когда оно рассматривается в своем отношении к субъекту и задачам, которые он разрешает. В мышлении как деятельности выступает не только закономерность его процессуального течения как мышления (как анализа, синтеза, обобщения и т.д.), но и личностно-мотивационный план, общий у мышления со всякой человеческой деятельностью. Мышление выступает как *процесс*, когда на переднем плане стоит вопрос о закономерностях его протекания. Этот процесс членится на отдельные акты (мыслительные действия...). Отдельные акты мышления (анализа и т.д.) членятся по объектам, на которые они направлены, или результатам, к которым они приводят. Переход от одного звена мыслительного процесса (от одного мыслительного действия) к другому совершается, когда

мыслительный процесс (скажем, анализа) переходит от одного объекта к другому или от рассмотрения данного объекта и его свойств в одном каком-нибудь отношении к его рассмотрению в других связях и отношениях. Эти акты (действия или операции), закономерно следуя один за другим, образуют единый процесс мышления, в ходе которого совершается во все новых формах анализ данного и заданного, условий и требований задачи через синтетический акт их соотнесения друг с другом. Мышление как процесс и мышление как деятельность — это два аспекта одного и того же явления... Личностный план выступает в мышлении, взятом как в одном, так и в другом аспекте. В мышлении как процессе он выражается вообще в роли внутренних условий, в мышлении как деятельности еще, в частности, в роли мотивов, установок, отношения личности к окружающему» [25, с. 54–55]. Осуществляя мыслительный процесс, человек исходит из уже сложившихся ранее мотивов и способностей. В то же время в процессе мыслительной активности происходит их дальнейшее формирование: например, познавательная мотивация формируется именно в ходе мышления, в процессе мышления. При этом мотивы и цели человека в ходе мышления характеризуют последнее преимущественно в личностном аспекте. Анализ, синтез и обобщение искомого, условий и требований задачи характеризуют мышление преимущественно в процессуальном аспекте. Психология изучает мышление как процесс во взаимосвязи с его продуктами (понятиями, знаниями, умозаключениями и т.д.), в неразрывном единстве бессознательного и сознательного протекания этого процесса. Идеи С.Л. Рубинштейна о психическом как процессе позволяют, с одной стороны, реально преодолевать в психологическом познании изолированность мышления (и других познавательных процессов) от личности и, с другой — обособленность личности от познавательных и других форм ее

проявления. Логика разработки проблемы соотношения мышления и личности получила завершение в сформулированном С.Л. Рубинштейном *личностном принципе* как одном из составляющих философско-методологические основы изучения психических явлений. Психологическое исследование допускает также анализ продуктов умственной деятельности и творчества в исследовании мышления и воображения. В целом понимание психического как процесса было направлено на реальное преодоление абстрактной идеалистической функциональной концепции психического [25, с. 37–39].

Урок одиннадцатый. Разработанные С.Л. Рубинштейном методологические принципы распространялись им также на процесс преподавания психологии, на систему подготовки кадров профессиональных психологов: психологическое образование должно строиться на строгих методологических основаниях. С.Л. Рубинштейну принадлежит выдающаяся роль в организации высшего психологического образования в нашей стране. В советские годы в силу известных общественно-политических событий в системе преподавания психологии произошло нарушение преемственных связей с замечательными традициями предшествующего периода, заложенными Г.И. Челпановым, В.М. Бехтеревым, Н.Н. Ланге и другими крупными психологами дореволюционной России. В ленинградский период творчества С.Л. Рубинштейн возглавлял кафедру психологии в педагогическом институте им. А.И. Герцена (в настоящее время — университет им. А.И. Герцена), превратив его в крупный центр психологической науки [18]. В проблематике исследовательской работы кафедры преобладали темы не только узкоприкладного, но и теоретического плана. В московский период С.Л. Рубинштейн создал кафедру и отделение психологии на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Здесь С.Л. Рубинштейн воссоздал систему подготовки специалистов психологов в Московском университете, какой она сложилась усилиями Г.И. Челпанова в период его деятельности в Московском университете (1907–1923), а во многом и создал ее вновь в условиях нового исторического времени. Знаменательно, что главная книга С.Л. Рубинштейна — «Основы общей психологии» — является учебником для высших педагогических учебных заведений и университетов. В предисловии к первому изданию он отмечал: «Эта книга по существу... *исследовательская работа*, которая по-новому ставит целый ряд основных проблем... Во главу угла этой книги поставлены не дидактические, а научные задачи» [28, т. 1, с. 8]. Содержание созданного С.Л. Рубинштейном учебного курса психологии, основанного на достижениях мировой и отечественной науки, не было простой их сводкой. С.Л. Рубинштейн указывал, что, поскольку они были получены внутри определенных — и различных — концепций и потому отражают теоретические установки этих концепций, преподавание не должно сводиться к изложению накопленных в науке знаний как простой их сумме. Они должны быть критически осмыслены и систематизированы в соответствии с методологическими позициями. В качестве таковых в книге С.Л. Рубинштейна выступали разработанные им принципы деятельностного подхода. В учебном курсе в процессе преподавания С.Л. Рубинштейн не обходил острых проблем, постановка и способы решения которых выступили формой представления достижений психологической мысли. Принципиальное значение придавалось вопросам построения курса психологии, его структуре, последовательности изложения его отдельных разделов. С.Л. Рубинштейн считал, что это очень важный вопрос, его решение должно опираться на методологические основания. В итоге после критического обсуждения различных вариантов построения курса

психологии в книге С.Л. Рубинштейна система психологии получила следующий вид: «...от аналитического изучения психических процессов (в которые мы включаем как компонент функции) к психологии деятельности; от психологии деятельности — к психическим свойствам личности, определяющим ее психологический облик, к самосознанию личности, в котором она выступает, отраженная в своем самосознании как конкретное живое единство» [28, т. 1, с. 208].

Обучение в высшей школе должно сочетаться с научным исследованием. Требование их сочетания распространялось и на преподавателей, и на студентов. Оно было блестяще реализовано С.Л. Рубинштейном на практике. Руководимые им кафедры психологии превратились в ведущие научные центры, в которых проводилась серьезная научно-исследовательская работа, создавались капитальные труды, готовились кадры высшей квалификации. Здесь сформировалась одна из самых значительных отечественных психологических школ — научная школа С.Л. Рубинштейна. Знаменательно, что ученики С.Л. Рубинштейна, выпускники МГУ — А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, А.М. Матюшкин и другие — стали крупными учеными и организаторами психологической науки в нашей стране, творческими последователями его научной школы.

Созданный С.Л. Рубинштейном подход к организации обучения психологов был нацелен также и на подготовку будущего специалиста к решению жизненно важных практических проблем. Но решение этой задачи не отделялось от работы по обеспечению фундаментальной теоретической подготовки. Практическая вооруженность специалиста осуществлялась не путем овладения совокупностью отдельных методик как техническими приемами, а включалась в профессиональную подготовку как ее органичная часть.

Заложенные С.Л. Рубинштейном принципы построения психологического образования остаются тем образцом, который с полным основанием можно считать нормой. Совершенно очевидно, что их освоение во многом не закончено и является одной из актуальных задач в настоящее время, когда подготовка психологов получила невиданный доселе размах.

Заключение

Методологические уроки, вытекающие из трудов С.Л. Рубинштейна, связаны с самыми актуальными проблемами методологии современной психологии. На некоторые из них и, что важно, в связи с концепцией С.Л. Рубинштейна, обращает внимание В.А. Кольцова в одной из последних публикаций. Творчество С.Л. Рубинштейна характеризуется здесь как «яркий образец творческого освоения марксистской философии как основы методологии психологии» [16, с. 15], которое «позволило С.Л. Рубинштейну выдвинуть и обосновать систему собственно методологических принципов психологии: принципы единства сознания и деятельности, личностного опосредствования и другие, ставшие фундаментом развития отечественной психологии XX столетия» [16, с. 16]. Автор делает общий вывод, согласно которому марксистская методология, освобожденная от свойственных ей в недавнем прошлом идеологических искажений, «может и должна использоваться в научном познании, но не как *единственное*, а как *одно из* философско-методологических оснований развития современной психологии» [16, с. 17]. Этот вывод особенно важен в связи с получившим в настоящее время распространением курса на методологический плюрализм. В контексте этой позиции значение марксизма в целом недооценивается или даже марксизм вовсе исключается из использования для разработки методологических психологических проблем. Опыт С.Л. Рубинштейна учит,

что творческое освоение методологических положений К. Маркса плодотворно для психологии. Такое освоение предполагает и критику, которая в трудах С.Л. Рубинштейна в силу понятных причин не дана эксплицитно, но нередко кое-где «проглядывает» в форме несколько туманных формулировок, недосказанности и т.п. В последней книге С.Л. Рубинштейна, не опубликованной при его жизни — «Человек и мир» — содержится открытая критика ряда положений К. Маркса о человеке и обществе. Эту критику, однако, неправомерно отождествлять с его отношением к марксизму в целом, к его методологии и основанному на ней диалектико-материалистическому пониманию ряда принципиальных проблем психологии. Ее главным объектом у С.Л. Рубинштейна была общественная социалистическая система, реализованная у нас в форме тоталитарного государства, политика государства в сфере науки («ошибка как преступление, наука как идеология» [30, с. 104]), идеологизация марксизма.

Сергей Леонидович Рубинштейн жил и творил в первой половине XX столетия. В созданных им трудах запечатлелись искания его мысли, погруженной в проблемы философии и психологии человека, как они вставали в его жизни, в связи с той научной ситуацией и с социальными задачами общества того времени. Сейчас, в начале XXI столетия, другая научная ситуация, перед психологией стоят другие задачи. Было бы наивно искать в трудах С.Л. Рубинштейна готовые ответы на решение этих новых задач. Но в поисках их решения диалог с С.Л. Рубинштейном может стать той «подсказкой», которая, как это он убедительно показал в своих исследованиях по психологии мышления, является необходимым условием движения мысли. Быть в состоянии использовать «подсказку» — в этом все дело!

Литература

1. Абульханова К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

2. Абульханова К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
3. Абульханова К.А., Славская А.Н. К истории союза психологии и философии // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 163–170.
4. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
5. Абульханова-Славская К.А. С.Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского и др. М., 2000. С. 13–26.
6. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Исторический контекст и современное звучание фундаментального труда С.Л. Рубинштейна // Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. / С.Л. Рубинштейн. М., 1989. С. 250–283.
7. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Несколько замечаний в связи со статьей А.С. Арсеньева «О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна» // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 69–74.
8. Арсеньев А.С. Размышления о работе С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 130–160.
9. Арсеньев А.С. Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна: Философский очерк // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 43–68.
10. Брушлинский А.В. Первая психологическая лаборатория в системе Академии наук СССР // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 3. С. 53–60.
11. Брушлинский А.В. Деятельностный подход в психологической науке // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 89–95.
12. Брушлинский А.В. Самая читаемая книга по психологии: триумфы, трагедии, парадоксы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 6, С. 5–13.
13. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб., 2003.
14. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
15. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 1982.
16. Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 2. С. 5–18.
17. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб., 2006.
18. Пархоменко О.Г., Ронзин Д.В., Степанов А.А. С.Л. Рубинштейн в педагогическом институте им. А.И. Герцена // Рубинштейн Сергей Леонидович: очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С. 146–158.
19. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
20. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1. С. 3–20; [Переиздание] // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 8–24.
21. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.; Л., 1935.
22. Рубинштейн С.Л. Вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1955. № 1. С. 6–17.
23. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей связи явлений материального мира. М., 1957.
24. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
25. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
26. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии М., 1973.
27. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.
28. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989.
29. Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Рубинштейн Сергей Леонидович: очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С. 374–395.
30. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
31. Рубинштейн Сергей Леонидович: очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
32. Труды Ярославского методологического семинара / под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль. 2003. Т. 1; 2004. Т. 2; 2005. Т. 3.
33. Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005.